

Меня строго предупредили, что мне нельзя вставать, за исключением посещения уборной в комнате, поэтому у меня не было выбора, кроме как спросить разрешение. Как только доктор Хайрам услышала это, она снова нахмурилась, не сумев справиться с выражением своего лица. Затем морщины на её лбу внезапно разгладились. На лице доктора Хайрам впервые появилась едва заметная улыбка. Она явно улыбалась, но как-то мрачно.

— Я и не подозревала, что госпожа тоже захочет пойти к нему, как поправится. Сегодня ваше состояние лучше, чем я ожидала. Если господин Дейл попадётся и госпоже на своих детских попытках сбежать, надеюсь, ему хотя бы станет стыдно. Если после лечения вы будете хорошо себя чувствовать, то я дам разрешение на посещение.

Обрадовавшись, я посмотрела на нее. Доктор Хайрам вернулась к своему сухому выражению лица и добавила:

— Но это не значит, что вы можете встать с кровати и разгуливать. В комнате есть инвалидное кресло, поедете на нем.

Доктор Хайрам сказала это своим обычным твёрдым и ровным голосом и что-то быстро нацарапала на листе бумаги. Возможно, она делала заметки, чтобы сообщить об этом другому персоналу.

Я получила предварительное разрешение на тестирование способности и посещение свёкра после проверки моего состояния. Я должна была стать здоровее, чем сейчас, чтобы мне точно это позволили. У меня появилась необоснованная надежда, что это возможно.

...С чего вдруг у меня возникла эта надежда? Как только в мой организм попало лекарство, меня снова затошнило. Но, если я покажу доктору, что мне тяжело, то не смогу ни зарегистрировать свою способность, ни повидать свёкра. Я надавила на живот. Я приняла только утреннее лекарство. Если мне так плохо, то что же будет после сеанса лечения? Может я потеряю сознание, как вчера?

Я не могла предположить, что произойдет после лечения, которое должно было начаться через час. Трудно было быть уверенным, что всё будет лучше, чем вчера. Когда мое тело было не в том состоянии, о котором я амбициозно желала, меня охватила странная печаль. Я не могла никого винить в том, что больна.

Мать, которая давала мне лекарство? Ситуацию, из-за которой мне пришлось их пить? Должна ли я обвинять отца, бабушку и дедушку, которые не встали на мою сторону? Не знаю, станет ли мне лучше из-за обид, но из-за мыслей об этом я вспомнила Лейна в бальном зале, и у меня разболелась голова. Сейчас у меня не было даже сил, чтобы излить свое негодование.

Я посмотрела на носочки своих ног. Но от этого досада не уменьшилась. Всякий раз, когда

мне становилось плохо, я всегда переключала свое внимание на что-то ещё. Когда я плакала, оставшись одна в садовом домике, то открывала книгу или начинала вышивать, чтобы не захлебнуться слезами. Неосознанно я пыталась сбежать от ситуации, но, даже если бы я это не делала, ничего бы не изменилось, поэтому так было даже лучше от меня.

Эта привычка сохранилась даже сейчас. Чтобы не поддаться плохому настроению, мне нужно было думать о другом. Поэтому я начала искать, что же улучшилось по сравнению со вчера.

«Мой завтрак почти остался во мне. А ещё голова не так сильно кружится, и я могу лежать и так, и этак в кровати».

Из-за тошноты я могла только сидеть. Вчера я в первый раз приняла лекарство, и организм отреагировал не очень хорошо, поэтому меня рвало весь день. Головокружение было таким сильным, что я не понимала, лежу я или сижу.

«По сравнению с этим, сегодня мне лучше».

Возможно, и после лечения я буду чувствовать себя хорошо. Смогу навестить свёкра, и скоро зарегистрируюсь как человек со способностью. Снова и снова я заставляла себя думать иначе, чтобы остановить разрушительные мысли. Я почувствовала себя немного лучше.

Всё, что осталось, — это использовать надёжный способ полностью изгнать плохое настроение. Откинувшись на спинку кровати, я слегка повернула голову. Мой взгляд остановился на Кине. Обычно за час до лечения со мной оставалась и свекровь. Но она сказала, что сожалеет о том, что прервала нас утром и ушла. Поэтому теперь в комнате были только мы с Кином.

Шторы были лишь слегка задёрнуты, поэтому солнечный свет падал прямо на него. Его голова сияла, словно он был святым. Золотые волосы казались почти серебряными. Свет отражался от его белого лба и прямого носа. Поскольку голова была слегка опущена, нижняя часть была слегка затенена. Даже его простая белая рубашка сияла.

От вида лица Кина мне становилось лучше, даже когда мне было больно. Как мог тощий ребёнок вырасти таким? Почему-то эта мысль пришла в мою голову, пока я смотрела на Кина, который был похож на святого.

— ...

Чирк, чирк.

В комнате был слышен лишь скрип пера по бумаге. Источником звука был не кто иной, как Кин. Сейчас он занимался делами, как я его и попросила. Я чувствовала себя виноватой, что Кин и заботился обо мне, и работал, но я не смогла закрыть глаза на это, когда увидела,

сколько документов на его столе. Ладно, если бы там был один-два листа, но как я могу притвориться, что не замечаю их и поверить в его оправдание, что у него мало работы?

«Сколько бы я ему не говорила, чтобы он ушел, Кин меня совсем не слушает».

И дело было даже не в работе: Кин просидел рядом со мной несколько дней, поэтому, естественно, очень устал, но, хотя я просила его отдохнуть, он проигнорировал мои слова. Такой упрямец. Не то, чтобы я не понимала его чувства. Но он мог, по крайней мере, хотя бы притвориться, что заботится о себе. Ни так, ни этак мне не удалось перебороть упрямство Кина, поэтому пришлось перейти к запасному плану.

«— Думаю, мне будет не так больно, если я буду смотреть на тебя, пока ты работаешь».

Мне пришлось умасливать его. Кин с недовольным лицом спросил, правда ли это. Что ж, боль действительно уходила при взгляде на него, так что это не было ложью. В конце концов он неохотно встал, взял бумаги и снова сел передо мной.

Глядя на него, я думала о своих следующих словах.

«Следует ли мне сказать, что если я увижу его спящим, после того как он закончит работать, то мне станет легче?»

Сомневаюсь, что Кин послушает меня.

Щурх, щурх.

Комнату наполнил звук переворачиваемых страниц и скрип пера по бумаге. Я смотрела, как работает Кин, безмолвно терпя лёгкую боль. Несколько минут ничего особенного не происходило, а затем шелест бумаг прекратился. Кин, который до этого просматривал документы, перевел взгляд на меня. Голубые глаза засияли, когда на них упал свет. Взгляд, более жёсткий, чем обычно, сфокусировался на мне. Его глаза, казавшиеся хладнокровными, постепенно смягчились, встретившись с моими.

Возможно, он хотел мне что-то сказать, поэтому я склонила голову, глядя на него. Возможно, заметив вопрос в моем взгляде, Кин тихо ответил:

— Просто хотел узнать, не болит ли у тебя что-нибудь.

Хотя он пробормотал это себе под нос, в комнате было очень тихо, и я всё расслышала. Кин внезапно оторвался от работы, чтобы узнать, не болит ли у меня что-нибудь. Кончики пальцев задрожали от странного ощущения. Скоро наступит лето, и тепло, отличное от весеннего, окутало меня.

Сказав это, Кин продолжил работать, но поднимал и опускал голову каждые несколько минут. Мне показалось, что Кин хорошо концентрируется, просматривая документы, так почему он продолжает дёргаться? Это практически сводило меня с ума. Похоже, для Кина было невозможно перестать заботиться о больном и вернуться к повседневным делам.

Спустя некоторое время Кин бессовестно произнёс:

— Я закончил со своими делами.

Разве прошло не больше пары десятков минут? Хо, ты очень много поработал. Хотя я не произнесла эти язвительные слова вслух, похоже, выражение моего лица сделало это за меня. Кин с обидой сказал:

— Это правда. Смотри, — Кин показал мне бумаги, которые просмотрел, несмотря на то, что рядом лежала куча документов, к которым он даже не притронулся. — Я не врал, видишь? Теперь нужно всё перенести и отдохнуть.

Вместо ответа я просто прищурилась. Кин даже не обратил внимания на мой взгляд. Он сразу же вскочил и собрал документы. Бумаги, сложенные стопкой на столике рядом с кроватью, были перенесены на письменный стол, где они находились изначально.

Я думала, что он послушно работает. Сейчас же я поняла, что Кин просто создал видимость и пытался избавиться от улик. Заметив его хитрость, я не стала требовать, чтобы он продолжил работать. Если я сделаю это, то завтра он придумает что-то ещё. В любом случае невозможно выполнить всю работу за один день, поэтому мне оставалось только надеяться, что завтра Кин сделает больше.

«Если подумать, то у него столько работы, потому что я не выполняю обязанности эрцгерцогини».

Из-за этого мне ещё сложнее было что-то сказать Кину. Я расстроилась из-за угрызений совести и собственной некомпетентности. Чтобы и дальше находиться рядом с Кином как эрцгерцогиня, нам нужно будет выполнять всю работу вместе. Но смогу ли я?

Ранее я украдкой просмотрела документы Кина. Там были налоговые ставки, налоговые и административные законы и другие вещи, которые для меня были пустым звуком. Я знала, что он чем-то управляет, но я ни слова не поняла из написанного. Сколько лет мне понадобится, чтобы во всём разобраться? Я уже была напугана.

«Если я начну учиться сейчас, смогу ли когда-нибудь быть с ним наравне? Настанет ли день, когда я выполню свою часть работы?»

С самого начала всё было туманным. Мне казалось это чем-то далёким. Я сжала кулаки. Это кажется далёким, но я не должна была пугаться, даже не начав. В отличие от того времени, когда я безучастно ждала своей смерти, мне нужно постепенно найти способ прожить свою жизнь должным образом.

«Оглядываясь назад, я понимаю, что всему этому я хотела научиться».

Внезапно я вспомнила свое детство. Все, за исключением мамы, даже касаться себя не давали, а учиться чему-то и подавно. До шести лет мне говорили, что я ещё слишком мала для учебы, затем занятия отложили, а впоследствии они и вовсе ушли на второй план. Хотя мать дарила мне любовь, но она отличалась от привязанности и занятий у аристократов.

Я вдруг вспомнила слова, которые услышала тогда.

«— Возможно, она скоро станет уличной бродяжкой, какой смысл учить её! У тебя есть Лейн и Лиззи, не понимаю, почему ты так защищаешь этого ребёнка? Раз ты так плачешь, я позволю тебе взять её на этот банкет. Но только на него. Как только будут результаты анализов, я решу, что с ней делать. Своего мнения я не изменю».